

В · Л · А · Д · И · М · И · Р

СОРОКИН

Метель

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Художественное оформление и макет
Екатерины Фerez

Сорокин, Владимир Георгиевич.

С65 Метель / Владимир Сорокин. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 224 с. — (Эксклюзивная новая классика).

ISBN 978-5-17-092082-2

Что за странный боливийский вирус вызвал эпидемию в русском селе? Откуда взялись в снегу среди полей и лесов хрустальные пирамидки? Кто такие витаминдеры, живущие своей особой жизнью в домах из самозарождающегося войлока? И чем закончится история одной поездки сельского доктора Гарина, начавшаяся в метель на маленькой станции, где никогда не сыскать лошадей?

Повесть Владимира Сорокина не только об этом. Поэтичная, краткая и изысканная «Метель» стоит особняком среди книг автора. Подобно знаменитым произведениям русской классики о путешествии по родным просторам, эта маленькая повесть рисует большую картину русской жизни и ставит философские вопросы, на которые не дает ответа.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-092082-2

© Владимир Сорокин, 2010
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Покойник спать ложится
На белую постель,
В окне легко кружится
Спокойная метель...

Александр Блок

— Да поймите же вы, мне надо непременно ехать! — в сердцах взмахнул руками Платон Ильич. — Меня ждут больные! Боль-ны-е! Эпидемия! Это вам о чем-то говорит?!

Смотритель прижал кулаки к своей барсучьей душегрейке, наклоняясь вперед:

— Да как же-с нам не понять-то? Как не понять-с? Вам ехать надобно-с, я понимаю очень хорошо-с. А у меня лошадей нет и до завтра никак не будет!

— Да как же у вас нет лошадей?! — со злобой в голосе воскликнул Платон Ильич. — На что же тогда ваша станция?

— А вот на то, что лошади все повышли, и нет ни одной, ни одной! — громко затвердил смотритель, словно разговаривая с глухим. — Разве вечером чудом почтовые свалятся. Так кто ж знает — когда?

Платон Ильич снял пенсне и уставился на зрителя так, словно увидал его впервые:

— Да вы понимаете, батенька, что там люди умирают?

Зритель, разжав кулаки, протянул руки к доктору, словно прося подаяния:

— Да как же не понять-с? Отчего ж нам не понять-с? Люди православныя помирают, беда, как же не понять! Но вы в окошко-то гляньте, что творится!

Платон Ильич надел пенсне и машинально перевел взгляд своих оплывших глаз на заиндевевшее окно, разглядеть за которым что-либо не представлялось возможным. За окошком по-прежнему стоял пасмурный зимний день.

Доктор глянул на громкие ходики в виде избушки бабы-яги: они показывали четверть третьего.

— Третий час уж! — Он негодуяще качнул своей крепкой, коротко подстриженной головой с легкой сединой на висках. — Третий час! А там и смеркаться начнет, понимаешь ты?

— Да как не понять-с, как же не понять... — начал было зритель, но доктор решительно оборвал его:

— Вот что, батенька! Доставай мне лошадей хоть из-под земли! Если я туда сегодня не попаду, я тебя под суд подведу. За саботаж.

Известное государственное слово подействовало на зрителя усыпляюще. Он как бы сразу

заснул, перестав бормотать и оправдываться. Его слегка согнутая в пояснице фигура в короткой душегрейке, плюшевых штанах и высоких белых, подшитых желтой кожей валенках застыла неподвижно в сумраке просторной, сильно натопленной горницы. Зато его жена, тихо до этого сидевшая с вязаньем в дальнем углу за ситцевой занавеской, заворочалась, выглянула, показывая свое широкое, ничего не выражающее лицо, уже успевшее осточертеть доктору за эти два часа ожидания, питья чая с малиновым и сливовым вареньем и листания прошлогодней «Нивы»:

— Михалыч, нешто Перхушу просить?

Смотритель сразу пришел в себя.

— Можно и Перхушу упросить, — почесал он правой рукой левую, полуоборачиваясь к жене. — Но они ж хотят казенных лошадей.

— Мне все равно каких! — воскликнул доктор. — Лошадей! Лошадей! Ло-ша-дей!

Смотритель зашаркал к конторке:

— Ежели он не у дяди в Хопрове, можно и упросить...

Подойдя к конторке, он снял трубку телефона, крутанул пару раз ручку, распрямился, упершись левой рукой в поясницу и вытягивая вверх плешивую голову, словно желая вырасти:

— Миколай Лукич, Михалыч тревожит. Скажи-ка, что наш хлебовоз к вам сѣдни не проезжал? Нет?

Ну и ладно. А как же! Куда ж нынче ехать, тут нет возможности никакой, а как же. Ну, благодарствуй.

Он осторожно положил трубку на рычажки и с признаками оживления на неряшливо выбритом, безбородом лице мужчины без возраста зашаркал к доктору:

— Стало быть, сѣдни наш Перхуша за хлебом в Хопров не поехал. Здесь он, на печи лежит. А то он как за хлебом поедет, так сразу мимоездом — к дяде. А там — чай да лясы-балясы. К вечеру токо нам хлеб и привозит.

— У него лошади?

— Самокат у него.

— Самокат? — сощурился доктор, доставая портсигар.

— Коль упрсите его, он вас на самокате в Долгое и доставит.

— А мои? — наморщил лоб Платон Ильич, вспомнив свои сани, ямщика и пару казенных лошадей.

— А ваши тутова покамест постоят. На них потом и вернетесь.

Доктор закурил, выпустил дым:

— И где этот твой хлебовоз?

— Тут неподалеку. — Смотритель махнул рукой себе за спину. — Вас Васятка проводит. Васятка!

На зов его никто не откликнулся.

— Он, чай, в новой хате, — отозвалась из-за занавески жена смотрителя.

И тут же встала, зашелестела по полу юбкой, вышла. Доктор подошел к вешалке, снял с нее свой долгополый, тяжелый пихор на цигейке, влез в него, надел широкий лисий малахай с охвостьем, накинул длинный белый шарф, натянул перчатки, подхватил оба саквояжа и решительно шагнул через порог распахнутой перед ним смотрителем двери в темные сени.

Уездный доктор Платон Ильич Гарин был высоким, крепким сорокадвухлетним мужчиной с узким, вытянутым, большеносым лицом, выбритым до синевы и всегда имевшим выражение сосредоточенного недовольства. «Вы все мне мешаете исполнить то очень важное и единственно возможное, на что я предопределен судьбою, что я умею делать лучше всех вас и на что я уже потратил большую часть своей сознательной жизни», — словно говорило это целеустремленное лицо с большим упрямым носом и подзаплывшими глазами. В сенях он столкнулся с женой смотрителя и Васяткой, сразу забравшим у него оба саквояжа.

— Седьмой дом отсюда, — напутствовал смотритель, забегая вперед и открывая дверь на крыльцо. — Васятка, проводи господина дохтура.

Платон Ильич вышел на воздух, щурясь. Было слегка морозно, пасмурно; слабый, но не утихший за эти три часа ветер по-прежнему нес мелкий снег.

— Он с вас шибко много не возьмет, — бормотал зритель, ежась на ветру. — Он мужик к барышу равнодушный. Лишь бы поехал.

Васятка поставил саквояжи на лавку, вделанную в крыльцо, скрылся в сенях и вскоре вернулся в коротком полушубке, валенках и шапке, подхватил саквояжи, затопал с крыльца по наметенному снегу:

— Пойдемте, барин.

Доктор двинулся за ним, дымя папиросой. Они пошли по заметенной, пустой деревенской улице. Снегу навалило, подбитые изнутри мехом докторовы сапоги проваливались почти вполголенища.

«Метет... — думал Платон Ильич, торопясь докурить быстро сгорающую на ветру папиросу. — Черт дернул меня поехать напрямки через эту станцию, будь она неладна. Медвежий угол, да и только: никогда зимой здесь не сыскать лошадей. Зарекался, ан нет — поехал, dummkopf*. Ехал бы себе по тракту, там в Запрудном сменялся да и поехал дальше, ну и пусть, что на семь верст дольше, зато уже б в Долгом был. И станция порядочная, и дорога широкая. Dummkopf! Теперь хлебай тут киселя...»

Васятка бодро месил снег впереди, помахивая одинаковыми саквояжами, как баба ведрами на коромысле. Пристанционное поселение хоть и именовалось деревней Долбешино, но на самом деле было хутором из десяти дворов, разбросанных

* Дурак (нем.).

неблизко один от другого. Пока по запорошенному большаку дошли до избы хлебовоза, Платон Ильич слегка припотел в своем длинном пихоре. Возле этой старой, сильно осевшей избы все было замечено и отсутствовали следы человека, словно в ней и не жил никто. И только из трубы ветер рвал клочья белого дыма.

Путники прошли сквозь кое-как огороженный палисадник, поднялись на заметенное, накренившееся вбок крыльцо. Васятка толкнул плечом дверь, она оказалась незапертой. Они вошли в темные сени, Васятка наткнулся на что-то, сказал: — Ох ты...

Платон Ильич с трудом различил в темноте две большие бочки, тачку и какой-то хлам. У хлебовоза в сенях пахло почему-то пасекой — ульями, пергой и воском. Этот летний, милый запах никак не вязался с февральской метелицей. С трудом пробравшись к обитой мешковиной двери, Васятка отворил ее, прихватив один из саквояжей под мышку, шагнул через высокий порог:

— Здравствуйте вам!

Доктор вошел за ним, уклонившись от притолоки.

В избе было чуть теплее, светлее и пустыней, чем в сенях: горели дрова в большой русской печи, на столе одиноко стояла деревянная солонка, лежала коврига хлеба под полотенцем, темнела одинокая икона в углу и сиротливо висели встав-

шие на половине шестого часы-ходики. Из мебели доктор заметил лишь сундук да железную кровать.

— Дядь Козьма! — позвал Васятка, бережно опустив саквояжи на пол.

Никто не отозвался.

— Нешто на двор пошел? — Васятка обернул к доктору свое широкое веснушчатое лицо со смешным, словно облупленным, розовым носом.

— Чаво там? — раздалось на печи, и показалась взлохмаченная рыжая голова с клочковатой бородкой и заспанными щелками глаз.

— Здоров, дядь Козьма! — радостно выкрикнул Васятка. — Тут вот дохтуру в Долгое приспешило, а казенных на станции нетути.

— И чаво? — почесалась голова.

— А вот свез бы ты его на самоходе-то.

Платон Ильич подошел к печи:

— В Долгом эпидемия, мне непременно надо быть там сегодня. Непременно!

— Эпидемия? — Хлебовоз протер глаз большими заскорузлыми пальцами с грязными ногтями. — Слыхал про эпидемию. Завчера на поште в Хопрове говорили.

— Меня там ждут больные. Я везу вакцину.

Голова на печи исчезла, слышалось кряхтение и скрип ступенек. Козьма спустился, закашлялся, вышел из-за печи. Это был малорослый, худощавый и узкоплечий мужик лет тридцати с кривыми

ногами и непомерно большими кистями рук, какие случаются часто у портных. Лицо его, востроносое, заплывшее со сна, было добродушным и пыталось улыбнуться. Он стоял босой, в исподнем перед доктором, почесывая в своей рыжей, взъерошенной шевелюре.

— Вак-цину? — произнес он уважительно и осторожно, словно боясь уронить это слово на свой старый, истертый и щелястый пол.

— Вакцину, — повторил доктор и стянул с головы свой лисий малахай, под которым ему тут же стало жарко.

— Так ведь мятель, барин. — Перхуша глянул в подслеповатое окошко.

— Знаю, что метель! Там больные люди ждут! — повысил голос доктор.

Почесываясь, Перхуша подошел к окошку, обложенному по краям рамы пенькой.

— Я вон нынче и за хлебом не поехал. — Он смахнул пальцем проталину, проступившую в оконном инее от печного огня, глянул. — Ведь не единым хлебом жив человеке, так?

— Сколько ты хочешь? — потерял терпение доктор.

Перхуша оглянулся на него, словно ожидая удара, молча пошел в угол справа от печи, где на лавке и полках стояли ведра, крынки и печные котлы,

взял медный ковш, зачерпнул из ведра воды и стал быстро пить, дергая кадыком.

— Пять целковых! — предложил доктор таким угрожающим тоном, что Перхуша вздрогнул.

И тут же рассмеялся, отирая рот рукавом рубахи:

— Да на что мне...

Он поставил ковш, огляделся, икнув:

— А это... Я ж токмо что печь затопил.

— Там люди гибнут! — выкрикнул доктор.

Перхуша, не взглянув на доктора, почесал грудь, сощурился на окошко. Доктор смотрел на хлебо-воза с таким выражением своего носатого, напряженного лица, словно был готов его избить или разрыдаться.

Перхуша вздохнул, почесал шею:

— Слышь, малой, ты тогда тово...

— Чаво? — раскрыл рот, не поняв, Васятка.

— Посиди тут. А как прогорит — заложишь трубу.

— Сделаю, дядь Козьма. — Васятка скинул с себя полушубок, свалил на лавку и сел рядом.

— У тебя самоход... какой тяги? — спросил доктор с облегчением.

— Пятьдесят лошадок.

— Хорошо! Часа за полтора и доберемся до Долгого. А назад поедешь с пятью целковыми.

— Да полно, барин... — с улыбкой махнул Перхуша своей большой, клешнеобразной рукой и хлоп-

нул себя по худым ляжкам. — Ладноть, пойдём запрягаться.

Он скрылся за печью и вскоре вышел в серой шерстяной кофте грубой вязки и ватных штанах, подтянутых солдатским ремнем высоко, почти на груди, и с парой серых валенок под мышкой. Сев на лавку рядом с Васяткой и кинув валенки на пол, стал быстро наматывать портянки.

Доктор достал папиросу и пошел на воздух. Там было все то же: серое небо, пурга, ветер. Хутор словно вымер — ни человеческого голоса, ни собачьего лая.

Стоя на крыльце и втягивая бодрящий папиросный дым, Платон Ильич уже думал о завтрашнем дне: «Ночью вакцинирую, а утром пойдём на кладбище, глянем могилы. Лишь бы карантин не подвел по такой погоде, а то проберется какой-нибудь сквоззь облогу, а потом — ищи ветра в поле. В Митино два кольца обложных и то не помогли — прорвались, покусали... Интересно, там ли уже Зильберштейн? Эх, кабы там! В четыре руки вакцинировать сподручней, мы бы с ним за ночь по всей деревне прошлись... Нет, не доберется он раньше меня из Усох, там, почитай, сорок верст, да по такой погоде... Вот повезло с этой метелью...»

Перхуша, тем временем обувшись, накинул на себя небольшой черный тулуп, подпоясал его кушаком, заткнул за кушак рукавицы, нахлобучил шап-